

В то же время занавес повозки Ван Хуна поднялся, и толпа, наконец, увидела его прекрасное лицо.

Почти в тот же самый момент собрание женщин схватились за вещи, которые они несли с собой: саше, веточки, носовые платки, и внезапно сотни вещей полетели на Ван Хуна.

Стражники шагнули вперед и подняли щиты к небу. Мгновенно эти веточки, носовые платки и саше посыпались дождем на них ... они оставались аккуратными, независимо от того, попало в них сзади или спереди. Их лица выглядели очень спокойными, и стало ясно, что они уже много раз испытывали подобное раньше.

Чэнь Жун снова рассмеялся над этой сценой. Он быстро спустился с крыши, повернулся к Старому Шену и повысил голос, забираясь в повозку:

— Едем.

— Да, — ответил Старый Шен, сменивший евнуха, и подстегнул лошадей двигаться вперед.

В это время от экипажа Ван Хуна отделился охранник. Приблизившись к его экипажу, он протянул ему пакетик и сказал:

— А Жун из дома Чэнь, это подарок от моего хозяина.

Это саше было очень знакомо. Ах да, в прошлый раз он послал ему точно такое же. Чэнь Жун медленно улыбнулся, глядя на него.

— В этом нет необходимости, — небрежно хмыкнул он.

Охранник тоже тихо хихикнул.

— Добрый господин, лучше всего принять то, что посылает мой хозяин... Пожалуйста, подумайте, прежде чем принимать решение.

Чэнь Жун нахмурился. Мгновение спустя он протянул руку и взял пакетик в рукав.

Удовлетворенный, охранник удалился. Вскоре он подошел к экипажу Ван Хуна и прошептал:

— Он принял его.

— Принял? — Ван Хун казался довольным, — Можешь идти.

— Да.

После того, как люди Чэнь Жуна навели справки, они обнаружили, что Чэнь Гонжан и остальные придут еще не скоро. Обоз был большим, и их с Ван Хуном часть ощутимо вырвалась вперед, постепенно оставляя за бортом в городках то одну семью, то другую. Путешествие по тракту было достаточно безопасным.

Многие задерживались из-за ремонта, поскольку месяц пути повозки выдерживали с трудом, а мастеров Чэнь Жун увел с собой. К тому же многие отдавали предпочтение не прочности повозки, а ее внешнему виду. Рано или поздно это сказывалось. Если такая повозка не развалилась, то точно требовала большого ремонта в самых серьезных узлах. Так что Чэнь Гонжан в свое время очень точно оценил качество повозок племянника. Да, они не были не нарядны, но ни одна не сломалась. Его нарядная городская повозка была спрятана в пространстве, как и еще многое, что не было смысла тащить с собой показательно. Туда же отправилось большинство сундуков и коробов с книгами, остались не самые ценные или те, что надо было держать под рукой для изучения. Последний участок пути повозки следовали полупустыми, и слуги с мастерами разместились в них с комфортом.

Без Чэнь Гонжана Чэнь Жун должен был найти себе место, где остановиться. После некоторого раздумья его экипажи подъехали к дому Чэнь в Цзянькане. Здешнему поместью клана Чэнь.

Чэнь вековой аристократической род и оставались одной из самых богатых семей даже в это время. И вся эта слава началась от Чэнь в Инчуане. Оттуда пошло основное древо, хотя давно уже главные его представители пустили корни в Ло Яне и тут. Тут обитали старейшины рода, отошедшие от дел, и нынешний глава основного древа — министр Бо Чэнь Ли, дядя его отца, самый молодой из двоюродных дедушек Чэнь Жуна. Их семья имела титул Бо(граф). Он тот, кто покровительствовал его отцу в столице.

Матушка Пинь выглядела слегка испуганной, когда экипажи подъехали к внушительным воротам. Она посмотрела на монументальный фасад поместья и затем выпалила своему господину:

— Господин, благоразумно ли наносить сюда визит без Чэнь Гонжана?

Чэнь Жун опустил взгляд. Немного погодя он тихо сказал:

— Едем В Ло Линь.

— Ло Линь? — удивленно посмотрела на Чэнь Жуна его няня. — Почему туда?

— Цилан сообщил, что отец и брат там живут, — но на деле он не рассказывал. Это знание досталось А Жунь от прошлой жизни. В груди что-то защемило.

Он совсем не хотел присоединиться к Чэнь, хватит уже, но и не хотел идти в Ло Лань. Он просто хотел остановиться в постоялом дворе.

Однако, если бы он действительно сразу остановился в постоялом дворе, люди это осудили бы. Найдутся те, кто обязательно скажут, что он неосторожен, когда у него явно имеется дом, но он не желает убежища... Они не должны его принимать, но если он не отправится к ним самого начала, будет трудно избежать критики в этой «дом-прежде-всего» эпохе. Следовало решить некоторые проблемы сразу, не затягивая.

Он вздохнул.

— Господин, Вы хотите сказать, что знаете местонахождение нашего мастера? — радостно воскликнула Матушка Пинь. — Айя, это такая хорошая новость. Почему Вы не сказали нам раньше? — она высунула голову и крикнула людям снаружи, — Скорее в Ло Линь. Наш юный господин сказал, что там мастер и молодой мастер.

Раздались радостные возгласы. Слуги и Старый Шен разом радостно расхохотались. Их смех был особенно громким. В этот момент их страдания и тревоги после переезда на юг, а также страх и осторожность, казалось, исчезли.

Экипажи изменили направление движения и направились в сторону Ло Линь.

Чэнь Жун поднял занавеску и задумался, глядя на городские виды.

Реки и озера в Цзянькане были в изобилии. Есть поговорка, которая подразумевает, что люди у воды честны. Чэнь Жун не знал, насколько честными были люди в Цзянькане, но он видел, что девушки в городе, хотя и не такие высокие, как в Пинге и Нань'яне, были исключительно хороши собой.

Когда-то этот город звали «городом господ». Он расстроился вокруг зимней резиденции императора, бывшего княжеского поместья. Тогда тут был всего лишь небольшой провинциальный городишко, место сбора авантюристов и искателей сокровищ, уходящих отсюда в джунгли. Две судоходные реки и Южный тракт - это многое значит. Плодородные почвы в округе и богатства окраин южных джунглей... Местный князь на этом выстроил свое благосостояние, прежде чем бвинул своего потомка ко двору в ЛоЯн. Позже кто-то из них дослужился до министра и продвинул свою дочь в императрицы. После этого клан подарил свое поместье императрице и город резко начал развиваться. Сюда императорская семья выезжала на зиму от холодов севера.

Тут как таковой зимы не было, лишь становилось чуть прохладнее. Но весна и осень в этих краях радовали сильными ливнями и даже магическими грозами, когда удары молний силы

порождали эфирные разломы в округе. Правда, сам город был выстроен в таком месте, где подобного не случалось уже много лет, возможно, что молнии били в подземные скопления эфирного нефрита – пассивные источники, насыщающие местность некоторым магическим фоном.

По слухам, тут хватало нелюдей, прекрасно маскирующихся под горожан, но ночью выходящих на свою охоту. Про такое существовало много городских легенд. И кто знает, что из них было правдой.

Из-за обилия воды – озер, протоков, речушек и каналов влага стояла в воздухе, смешиваясь с запахами города. Поэтому тут и были так популярны саше.

Водными жилами и артериями радовали все улицы без исключения. Даже в переулках были хотя бы ручьи в каменных желобах. В Наньняне были только четыре улицы с каналами по центру, тут это было повсеместно. Передвижение в основном осуществлялось на паланкинах, поскольку не везде мог проехать даже небольшой городской шицзюй.

Для движения повозок были предназначены кольцевые улицы, неправильными кольцами опоясывающие город и проходящие через все районы так и именовавшиеся: первое кольцо, второе... и третье. Конечно, кольца были далеко не кругами, а порой довольно сложными замкнутыми кривыми.

Всего основных колец было три. Первое кольцо еще именовали Крепостным, поскольку оно шло прямо под крепостной стеной, разумно отделяя ее от городской застройки. Оно было предназначено для движения войск в случае осады, и больших торговых грузовых караванов. На нем располагались склады, постоянные дворы, конюшни, казармы... Оно было самым большим и располагало самой широкой проезжей частью.

Второе кольцо еще именовали средним или торговым, оно было разделено проходящим по центру кольца самым широким в городе грузовым каналом, через который были перекинuty множественные мостики и мосты, тут располагались торговые ряды и лавки, таверны и чайные. Это была самая большая прогулочная и торговая улица.

А третье кольцо называли чистым или внутренним, еще дворцовым или Центральным. На него выходили парадные выходы поместий аристократов и дворцов придворных, чиновничьих и гильдейских представительств, аптек и приемных врачей, богатых лавок и таверн. Эта улица была в разы безлюднее, тут не любили людей низкого статуса.

Плюс выделялись несколько крупных радиальных улиц, соединяющих эти кольца и разделяющих город на разные районы. Центром города ожидаемо была зимняя резиденция императора, целый комплекс дворцов разного назначения. Когда-то княжеских.

Из-за близости грунтовых вод тут не было подземелий, ну или так считалось, и про них просто никто не знал. Зато родники были почти в каждом дворе и на площадях стояли чаши фонтанов с доступной питьевой водой.

В самом городе земля была ограничена и стоила невероятно дорого. Хотя сам город был очень велик для этого времени, он ничуть не уступал Лояну размерами. За пределами города на удалении тоже были поместья и небольшие городки, поселки, снабжающие город продуктами и многими повседневными товарами, но проживающие там считали своим долгом держать в городе хоть маленький домик, чтобы иметь статус его гражданина. Это давало много привелегий в торговле внутри города. Ну и статус. С востока и запада к городу приныкали скалистые холмы, защищающие город от ветров, с севера - плодородные равнины и леса, с юга - джунгли.

К городу сходилась несколько имперских трактов, Южный с запада на восток был самым крупным и протяженным из них, и две судоходные реки, огибали город и сливались ниже по течению уже в джунглях, и там разливаясь в огромную болотистую дельту.

Дальше на юг за городом был Дикий лес и Топи — это все на севере именовалось Южными джунглями. Конечно, там тоже жили люди, но таких больших городов уже не было до самого побережья океана. Хотя поговаривали про древние руины в чаще Дикого леса. Дикий лес был действительно диким - это был лес из мутировавшего бамбука. Там встречались стволы в два и три обхвата, чья древесина была прочнее керамики. Но лес был опасен.

Еще по окраинам этот бамбук активно добывали, не давая этим лесу расширяться, но в чащу совались только смельчаки. На этот бамбук всегда в этих влажных краях был спрос, как на поделочный и строительный материал. Обычно его использовали в качестве черепицы для кровель и опорных столбов в большинстве местных домов. Ведь древесина без специальной обработки быстро гнивала. Хотя так же быстро в округе и росли деревья, давая много некачественного, но дешевого строительного материала.

Строительство домов было очень простым: бамбуковые толстые столбы оплетали лианами и ставили между ними ажурные деревянные панели, которые обтягивали тканью или бумагой - обмазывание глиной хоть части строения уже говорило о состоятельности семьи.

На получившуюся коробочку клали балки из местной древесины и могли даже возвести второй этаж, столь же хлипкий. Крышу крыли бамбуковой черепицей. То, что они строили в Наньняне, было очень капитальным строением по местным меркам, с толстыми глинобитными стенами. В городе было много двух и трехэтажных домов, но каждый следующий этаж был все воздушнее, наверху обычно оставались террасы. Дунь хороший ветер и такой домик улетит. Но сильных ветров тут не бывало, только ливни.

Поэтому дом было не сложно возвести и весьма бедному человеку, вот только место в городе стоило очень дорого, а рядом с крепостными стенами строиться было запрещено. Получить статус горожанина было совсем не просто, а бездомных из города банально выгоняла стража, которой было ну очень много.

Мужчины и женщины здесь носили очень сложные многослойные расшитые наряды, причем их саше являлись самым заметным аксессуаром. Украшения так же были особенно вычурными, часто с искусственными цветами, сделанными столь искусно, что они казались живыми.

Все активно использовали косметику, причем это относилось и мужчинам.

Мужчины не чурались приукрасить себя. Особенно молодые – носили множество украшений: броши, серьги, заколки, шпильки, перстни и накладки на ногти, обязательные расписные веера и саше, богатые широкие пояса, часто фактически – корсеты, где определено много чего было спрятано и подвешено...

Когда он огляделся, его взгляд кругом встречался с нарядно одетыми людьми, а нос был наполнен их запахами. Люди одевались намного красочнее, улицы были полны нарядных горожан, словно цветы, порхали девушки и юноши. Ажурные несерьезные дома были окрашены яркими красками. Очень легкомысленная атмосфера. Смех и музыка наполняли воздух.

Кроме того, люди Цзянькана особенно любили музыку. Было слышно, как играют инструменты, куда бы вы ни направились. Простолюдинов видели снаружи богатых домов, напевающих или даже танцующих под доносящуюся из поместий или богатых лавок музыку, но стражники просто игнорировали этих простолюдинов и не трогали их.

Слуги с севера никогда не видели такого комфорта и удовольствия. Они смотрели с восхищением, время от времени даже издавая восклицание, которое заставляло элегантно, но немного слишком красочно одетых аристократов презрительно закатывать глаза.

Матушка Пинь засмотрелась на молодого господина, одетого в пурпурное шелковое ханьфу с павлиньими и цветочными узорами, пока тот не прошел мимо, и прошептала Чэнь Жуну:

— Господин, какое красивое ханьфу. Если Вы наденете такое, ни один из юношей в Цзянькане не сравнится с Вами.

Она повернулась к Чэнь Жуну и весело прищурила свои маленькие глазки в улыбке.

— Господин, как только мы расположимся, я помогу Вам такое сделать.

Чэнь Жун улыбнулся и опустил глаза. У него хватает мастериц, чтобы создать нечто выдающееся.

— Барышни и юноши здесь не такие, как в других местах. Они происходят из не рядовых семей, поэтому они очень гордятся и любят быть уникальными. Нянюшка, пока в городе не войдет в моду такой же наряд, мы не сможем ему подражать. Проще придумать свой, чем попасть под осуждение за копирование чужого стиля.

— Это так? Хорошо, что ты знаешь, — ахнула в удивлении кормилица.

В это время снаружи послышался смех Старого Шена.

— Уважаемый, в какой стороне Ло Линь?

Старый Шен спрашивал дородного управляющего лет сорока-пятидесяти. Эти люди часто вступали в контакт с людьми на улицах, так что их знания были более обширными по сравнению с другими.

Услышав вопрос Старого Шена, мужчина обернулся и оглядел их экипажи. Бросив презрительный взгляд, ведь их обоз был достаточно скромным дорогой на первый и на второй взгляд, хоть и не мал по числу повозок, к тому же потрепан зимней дорогой, он указал на восток.

— В той стороне, Ло Линь в самом конце. — Его тон и выражение лица выражали презрение и пренебрежение. — Понаехали, голодранцы, — тихо пробормотал он.

Старый Шен все еще смотрел на удаляющегося человека, когда несчастный слуга заметил:

— Черт возьми, мы только спросили дорогу. Неужели ему нужно было вести себя подобным образом?

— Не обращай на него внимания, едем, — сказал Чэнь Жун.

Его слуги не были в курсе, но он знал, благодаря А Жунь, что районы в Цзянькане обычно имели характерные названия. Аристократы и простолюдины жили группами среди своих кланов. Другими словами, если человек пробыл в Цзянькане достаточно долго, он узнает личность других по улице, на которой они живут. И, по-видимому, те, кто жил на Ло Линь, не были среди тех, с которыми толстяк считал нужным быть предупредительным.

Они продолжили путь. Матушка Пинь вдруг закричала:

— Эй, что эти люди выбрасывают?

Слуги проследили в направлении ее взгляда.

Из боковой двери большого особняка выехал слуга на повозке и остановился на небольшом склоне. Затем он достал из экипажа пять бамбуковых корзин и начал выливать их содержимое на землю.

Восклицание Матушки Пинь было вызвано тем, что тот вылил на землю пахучее белое вещество с мясом и овощами, оказавшийся белым рисом.

Все слуги ахнули.

Их крики заставили другого слугу обернуться. Он приподнял шляпу, чтобы взглянуть на экипажи Чэнь Жуна, и его глаза угрожающе расширились. Он бросил корзины в свою повозку и выругался:

— Деревенские голодранцы.

Его оскорбление было нарочито громким, и они слышали его совершенно отчетливо. Но в этот момент они все еще чувствовали себя сбитыми с толку. Они не могли поверить, что еда, которая могла спасти жизни в Нан'яне, здесь просто мусор.

— Перестаньте так удивляться, вы должны помнить, что это Цзянькан. — сказал Чэнь Жун, оглядев эту сцену и пожав плечами. — Новая столица империи. Тут не было голода. И Ху пока от них далеко. Это стадо непуганых чванливых хань. Когда-то мы все такими были. Они даже не видели жертвенников демонам. Все впереди, Небо еще пошлет им испытания.

Голос звучал мрачно и как-то пророчески. пара прохожих отшатнулись в стороны, сделав отвращающие беду знаки.

— Вы такой умный, господин. Но вы правы, еда в Цзянькане действительно ничего не стоит, — похвалила мастера Матушка Пинь, покосившись на этих людей.

— Да, к счастью, мы послушались нашего молодого господина, — добавил Старый Шен.

Когда они готовились к отъезду, у Чэнь Жуна имелось еще почти три лишних повозки зерна. Слуги хотели взять их с собой в путешествие. Однако Чэнь Жун настоял, чтобы Старый Шен избавился от них. Поэтому их выменяли на бесполезное в Нан'яне золото и драгоценные камни, старинные манускрипты и уникальную мебель.

Так у него добавился уникальный инкрустированный лаковый гарнитур из чайного стола и стульев, в комплект к его туалетному столику. И секретер, - стол для письма и хранения ценных бумаг. Хотя по стилю ему больше понравился тот гарнитур мадам Ли. Но основным объектом обмена были свитки и украшения. С ними горожане расставались даже легче, чем с листами золота. А тамошний нефрит и вовсе шел по бросовым ценам. А среди камней были и достаточно ценные экземпляры. У него с собой было два сундука этих камней. Он даже как то пошутил, что если нападут ху, или глупые разбойники, то они их этими камнями и забросают.

Его слуги весь путь нервничали из-за того, что внезапно остались без еды. Каждый раз, когда они смотрели на свои экипажи, они мысленно бормотали что-то о Чэнь Жуне. Они взяли с собой в Цзянькан в общей сложности три неполные повозки продуктов на месяц пути. В них же ехали слуги, поэтому продуктов было не так и много. Повозки от продуктов почти освободились к концу дороги, осталось совсем немного - на день или два с натяжкой. Еще были повозки мастеров, одна лично Чэнь Жуна, правда в ней ехали няня и старик Шен, и стояли два сундука с наиболее нужными вещами, поскольку сам Чэнь Жун по итогу в ней только ночевал. Две повозки были «купальными», но попутно в них были загружены и запасы воды, используемые между перегонами, а его вещи и библиотека заняли еще три повозки; те же, что были первоначально наполнены едой, теперь пустовали, так что слуги могли ехать с

относительным комфортом.

— Вот он Ло Линь, — оповестил один из слуг.

Все посмотрели, и в трехстах шагах от них находился камень с большой надписью гласившей "Ло Линь". Рядом с ним находился вход в этот район города. Тут все районы были разделены крепостными стенами с воротами в них. Это было сделано для удобства обороны города. Врагу понадобилось бы захватывать не одну крепость, а каждый район города. Даже каналы проходили в этих местах через подъемные решетки.

Чэнь Жун приказал большей части каравана оставаться тут, пока они выяснят, что и как. Потому как не исключено, что там не удастся проехать. С ним отправились только две пустые повозки из-под еды, в которых сидели евнухи крепкие слуги.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://erolate.com/book/1285/36208>